

К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА А.М. ШЕГРЕНА

ВКЛАД АКАДЕМИКА А. ШЕГРЕНА В НАУЧНУЮ РАЗРАБОТКУ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЭТНОГРАФИИ ОСЕТИН (к 200-летию со дня рождения ученого)

Л.А. ЧИБИРОВ

Если называть вещи своими именами, научному осетиноведению повезло. Богу угодно было, чтобы в свое время появились на свет три титана мысли, три выдающиеся личности, чтобы создать и вынести его на своих могучих плечах и сделать достоянием мировой науки. Кому в Осетии незнакомы эти имена: Шегрен, Миллер и Абаев. Перед их светлыми именами мыслящему осетину надобно преклонять голову, как перед Всевышним.

Большое значение имеет отношение автора к исследуемой теме: пишешь ее по необходимости, заказу, чтобы отчитаться или делаешь ее по зову сердца, вкладывая в дело всю душу. Как и наш великий соотечественник В.И. Абаев, двое других иностранцев также писали свои работы, вкладывая в них всю душу свою, получая огромное моральное удовлетворение. И этим во многом объясняются их феноменальные научные достижения.

Когда исполнилось четверть века со времени выхода «Осетинских этюдов», в ответ на теплые приветствия осетинской интеллигенции Всеволод Федорович Миллер писал: «Заинтересовавшись сначала осетинами, как потомками аланов и сарматов, я из личных сношений с ними во время моих поездок по Осетии вынес самые отрад-

ные впечатления. Я увидел перед собой народ живой, способный, интеллигентный, бодрый, несмотря на часто тяжелые условия существования, стремящийся к просвещению... эти свойства Вашей народности возбудили во мне к ней искреннее сочувствие, которое руководило моими дальнейшими занятиями, направленными время от времени к Осетии» [1, 38].

И академик Шегрен, о котором речь пойдет ниже, по возвращению из Кавказа в Санкт-Петербург, писал: «При всем том я имел удовольствие оставить Кавказ с тем внутренним убеждением, что успел сделать все, что было мне только возможно, и в исходе 1837 года возвратился в Петербург, совершенно лишенный зрения на поврежденном уже прежде глазе, и почти с отмороженными от жестокой зимы на возвратном пути членами, но обогащенный изобильными, и по возможности достоверными материалами к пространному грамматическому изложению осетинского языка по двум главным наречьям, тагаурскому и дигорскому» [2, 136].

Эти два иностранца оказались единственными из многочисленных ученых, побывавших в Осетии, которые заговорили на языке изучаемого народа. В ходе второй (из шести) экспедиции в горы Осетии В.Ф. Миллер работал

с информантами на их родном языке. Прибыв в Дигорское ущелье, Шегрен произвел фурор. «В селение куда мы прибыли к полудню, — писал он, — мои усилия заговорить по-осетински произвели такой эффект, что даже хозяйка, отбросив свою сдержанность, устроилась рядом со мной и начала беседовать с чужестранцем» [2, 131].

А.М. Шегрен был необыкновенно одаренной личностью. Подумать только: приехать в совершенно незнакомую страну и за два года написать не книгу об ее истории, о его географии, ботанике, а научную грамматику в объеме, почти что тысячи страниц о языке незнакомого народа, мог только очень талантливый человек к тому же обладавшим редким трудолюбием.

А эти способности у Шегрена обнулись совсем молодым возрасте.

Швед по национальности Андреас Йохан (официально Андрей Михайлович) Шегрен родился в семье сапожника 26 апреля 1794 г. в финской деревне Ситтикал близ г. Иитти. Сперва учеба в начальной школе, затем гимназия в Порвоо, наконец, университет в Турку. Проявив необыкновенные способности в изучении языков, студент Шегрен уже владел, кроме финского и шведского, современными языками европейских народов, а еще и классическими и восточными языками. По окончании вуза получил звание доктора философии, и в следующем 1820 г. отправляется Санкт-Петербург (тогда Финляндия входила в Российскую империю).

Вскоре ученые круги столицы обратили внимание на молодого полиглота, и он получает место библиотекаря в научной библиотеке. Одновременно начал заниматься углубленным изучением родных для него финно-угорских языков. Параллельно с научными успехами идет и карьерный рост: избирается адъ-

юнктором, затем экстраординарным академиком Императорской Российской академии наук.

В 1834 г. в научной биографии Андрея Михайловича Шегрена появляется Кавказ. Формальным поводом послужили необходимость лечения травмированного еще в детстве глаза и продолжение исследования финно-угорских языков (Кавказ считался одним из регионов проживания носителей этих языков). На деле же планы Шегрена были куда более амбиционными. В ту эпоху практически мало что было известно о языках народов Кавказа. Послушаем самого ученого: «Обнять теперь надлежащим образом все языки народов Кавказа было бы дерзкое, самонадеянное предприятие... По сию пору ни одно наречие не представлено во всех своих свойствах и не исследовано с надлежащей полнотой. Грамматическое разложение и рассмотрение отдельных кавказских языков есть еще предмет непочатой, ожидающий возделывания». И далее: «Кроме татарского и грузинского языков, составляющих для меня и цель, и средство, я займусь еще, в особенности осетинским, который, имея общую важность, для меня любопытен по отношению, какое он имеет к прежним моим занятиям» [2, 121]. Забегая вперед отметим: в ходе работы, занятие осетинским языком из второстепенного, побочного занятия, превратилось в главное дело ученого.

Причины тому были разные, и среди них следующая: в ту пору предков осетин одни ученые считали славянами (племена ясов и алан Ломоносов относил к «словенскому либо чудскому поколению»), другие — финно-уграми.

После детального изучения и критического осмысления трудов своих предшественников по осетинскому языку Герхарда Миллера, Яна Потоцкого и

Юлиуса Клапрота, Шегрен приступает, как он писал «к точнейшим исследованиям осетинских нравов и обычаев и в особенности свойств и конструкции языка осетинского, ровно как преданий, религиозных мнений и народных песен...» При этом он подчеркивал пользу и важность своих изысканий. Важно отметить, что планы его научных изысканий были одобрены и поддержаны руководством Академии наук.

Вот с такими планами и намерениями в сентябре 1835 г. Шегрен прибывает в административный центр Кавказского края — Тифлис.

Ученый начал предварительное знакомство с грузинским, армянским, кабардинским языками, языком удин. Тогда же, более подробное знакомство с работой Клапрота об осетинах, обнаружение в ней серьезных недостатков, заставили его познакомиться со всей существующей литературой об осетинском народе, богословскими книгами в переводе на осетинский язык: «Утренние молитвы», «Богослужение», грузино-осетинский букварь И. Ялгузидзе и др.

В апреле 1836 г. он едет во Владикавказ, чтобы в осетинской языковой среде продолжит свои занятия. Здесь к нему в качестве помощников и переводчиков были прикреплены выпускник Тифлисской духовной семинарии осетин Тасо Жукаев и протоиерей Шио Двалишвили — член Осетинской духовной комиссии. Помощники его оказались славными людьми и обеспечили успехи Шегрена. Уже после месячного пребывания во Владикавказе в письме к другу Андрей Михайлович писал: «В осетинском языке я овладел, наконец, достаточно солидной базой, чтобы издать что-либо серьезное... Полагаю, мне удастся в свободное время подготовить, как для личной, так и общей пользы, новые материалы, которые в будущем помогут в

изучении осетинского языка» [2, 128].

После двухмесячной интенсивной работы, с июля 1836 года по весну 1837 года, Шегрен совершил путешествие по Северному Кавказу и Крыму. Возвратившись из поездки, он с юношеской энергией продолжил свои изыскания в области осетинского языка. С каким воодушевлением он работал в те дни, видно из его письма Х.Д. Френу в Санкт-Петербург: «Близок к завершению первоначальный набросок осетинской грамматики. Я радуюсь этому как ребенок то ли из-за самой работы, то ли еще больше из-за новых перспектив, которые эта работа мне обещает в сравнительной филологии. Уже сейчас многие вещи в древних классических языках мне представляются более ясными или совсем другими, чем я их представлял до сих пор или которые я никогда не предполагал увидеть [2, 129-130].

Воодушевляло ученого в работе и то, что чем глубже вникал в исследование осетинского языка, тем становился более уверенным, что осетинский язык «вне всякого сомнения, самый важный из языков Кавказа из-за его связи с основными языками Европы и Азии в большой индоевропейской группы» [2, 130].

Однако для окончательного завершения своих изысканий Шегрену не хватало материалов по дигорскому языку. Поэтому он решил совершить поездку в Западную Осетию не только для того, чтобы «изучить их язык, но так же собственными глазами увидеть и изучить на месте повседневный быт осетин в самой отдаленной части края». Поездка оказалось недостаточно удачной. Во-первых, из-за проблем с переводчиками он не смог выполнить в полном объеме поставленную задачу. Во-вторых, из-за необходимости срочно прибыть в Тифлис, ученый совер-

шил переход через Главный Кавказский хребет (Гебский перевал) из Стур-Дигора в город Они. О том, что испытал ученый во время этого изнурительного перехода можно судить из его же слов. «Неописанных трудов и опасностей нам стоило спускаться по снежной крутизне. От лучей солнца, на полдне уже катившегося, снег стал так рыхл, что не было возможностей на оном никак держаться... Засыпаемый с головы до ног талым снегом, часто я почитал минуту последнюю в жизни моей». И далее... «Отдохнув на камне и мысленно принеся Всевышнему благодарение за спасение меня от очевидной опасности, я продолжил спускаться по камням, опираясь на палку и будучи поддерживаем со всех сторон осетинцами, имевший ежеминутно смерть перед глазами» [2, 134].

С такими приключениями Шегрен прибыл в Тифлис. Оттуда через Владикавказ, Екатериноград и Георгиевск — в Пятигорск, затем в Кисловодск. В итоге в конце декабря 1837 года, он через Ставрополь выехал в Санкт-Петербург. Так завершилась Кавказская эпопея Андрея Михайловича Шегрена.

В Петербурге ученый продолжил работу над завершением грамматики осетинского языка. Поторапливали его и друзья по Владикавказу; в книге об осетинском языке нуждались и в Тифлисской семинарии, и в духовном училище и церковно-приходских школах Осетии; в которых уже наладилось изучение осетинского языка.

Наконец, 1844 год принес в Осетию радостную весть: в Санкт-Петербурге вышла из печати долгожданная «Грамматика осетинского языка с кратким двуязычным осетинско-русским и русско-осетинским словарями». В том же году, в переводе самого Шегрена, книга была издана и на немецком языке.

Это было большое событие в культурной жизни нашего народа. Общий объем книги составил 960 страниц. Из них в первой основной части на 560 страницах, вслед за пространным предисловием о работе над книгой, следует подробное исследование грамматического строя осетинского языка от фонетики до синтаксиса. Вторую часть книги составили словари.

«Грамматика» Шегрена произвела настоящий фурор в научных кругах России и Европы. Книга способствовала росту научного авторитета его автора, выразившегося в том, что он избирается ординарным академиком Императорской Санкт-Петербургской Академии наук и был произведен в статские секретари. Спустя два года после выхода книги, в 1846 году, на торжественном собрании всех пяти академий Королевского французского института, из десяти представленных на конкурс работ по сравнительной филологии имени Вольнея, победила «Грамматика осетинского языка» Шегрена, а его автору была вручена золотая медаль. И это не все. За книгу об осетинском языке Андрей Михайлович был награжден датским орденом Данеберга III степени, врученный ученому самим королем [3, 139-140].

Что же касается самого Кавказа, то здесь также нашлись интеллектуалы, которые с восторгом встретили капитальный труд Шегрена. Их мнение предельно ярко выразил на страницах тифлисской газеты «Закавказский вестник» известный грузинский ученый П.И. Иоселиани. Научный подвиг Шегрена был сравнен им с подвигом Прометея, а автор книги назван историческим лицом для всего Кавказа. По мнению того же Иоселиани за свой величайший труд Шегрен «должен быть назван «героем народным и благодете-

лем для всего племени иронов под которым именем известны себе осетины» [4, 41]. Отзывы о книге были самые восторженные. Друзья и близко знавшие Шегрена удивлялись и поражались «при мысли, что одинокому ученому, посреди народонаселения мнительного и молчаливого, не имеющего ни письмен, ни образов, удалось постичь одним слухом такое множество грамматических форм, такие важные и новые диалектические различия, терпеливо, осторожно собрать все это, а потом из сих рассеянных материалов воздвигнуть грамматическое здание столь полное и столь благоустроенное». И далее. «Изложением правил языка осетинского, во многих отношениях замечательного для истории и филологии, этот... народный герой окажет такую услугу, с которою не могут сравниться никакие средства в улучшении их нравственно-го, а затем физического быта» [4, 41].

Непреходящее значение имел и выход «Граматики» для зарождающейся интеллигенции Осетии. По словам Абаева, эта книга разбудила дремавшие силы одаренного народа.

Великой услугой Шегрена — вернуть осетинам письменные традиции и книжные знания — воспользовались первые представители осетинской интеллигенции; стали появляться на осетинском языке книги церковно-богослужебного характера, и само богослужение — на осетинском языке. Сам Андрей Михайлович из Санкт-Петербурга продолжал интересоваться Осетией и осетинами. Видные представители церкви в Осетии, призывая к необходимости распространения грамотности среди населения, с удовольствием отмечали, что уже «есть между осетинами и лица, получившие достаточное образование и знающие грамматически как свой, так и русский язык, готовые

потрудиться на пользу своих соотечественников в деле распространения между ними национальной грамотности» [5, 144].

Вторая по значимости заслуга Шегрена перед осетинским народом — создание для него алфавита, азбуки.

Первым творцом осетинской азбуки на основе грузинской графики был Иоанн Ялгузидзе. Разработанным им еще 1820 г. азбукой пользовались в Осетии до 1836 г. Приступая к исследованию осетинского языка, перед Шегреном всплыл вопрос об алфавите. «Мне надо было избрать алфавит или русский или грузинский», — писал он. В мае 1836 г., спустя месяц после приезда во Владикавказ, Шегрен сообщал своему другу в Петербург, что он уже подготовил в общих чертах осетинский алфавит на основе русского [2, 128]. Вопрос был весьма актуальным для своего времени.

Особенностью этого периода в истории Осетии является то, что научные исследования осетинского языка, разработка для него алфавита на основе русского языка, имели не только научное, но и практическое значение. Местные духовные люди, которые занимались просветительной деятельностью, сразу обратили внимание на трудности обучения детей Закона божьего на основе грузинского алфавита. Поэтому они подняли вопрос о замене его русской графикой и добились оперативного решения экзарха Грузии. Экзарх велел: «Обучение детей горцев грузинскими буквами как вовсе не нужное совершенное отменить. О чем и предписывается вам к надлежащему незамедлительному исполнению» [5, 80]. Спустя годы переход на русскую графику был одобрен В.Ф. Миллером. Говоря о проблеме выбора графики, Миллер обосновал, почему он одобрил русскую графику. Во-первых, азбукой пользовались

осетинского языка более 40 лет, на ней было напечатано много духовных книг и учебников и, во-вторых, русская графика в типографском отношении представляла больше удобств. «Нам, — продолжал Миллер, — пришлось только критически проверить азбуку Шегрена и внести в нее некоторые изменения, чтобы достичь большей точности в передаче осетинских звуков» [1, 62].

Создавая свой большой труд по осетинскому языку Шегрена не покидала мысль о практической пользе своего произведения, подчеркивая, что «способ к узнанию осетинского языка не менее должен принести пользы и учителям в таких кавказских учебных заведениях, в которых стали поступать осетинские дети, которых число со временем еще более умножится и, особливо, если самый их язык сделается, как и должно быть, особым предметом учения» [2, 138]. Эти пожелания Шегрена оказались пророческими; количество школ и учебных заведений, в которых изучался осетинский язык, росло постоянно

Заслуги Шегрена не ограничиваются вышеперечисленными достижениями. Во-первых, его перу принадлежит еще одна солидная работа — «Исследование об осетинском языке с особенным отношением к языкам индоевропейским», которой был заложен прочный фундамент научного осетиноведения. Во-вторых, выход «Грамматики осетинского языка» послужил мощным толчком к дальнейшему развитию осетинского языка. В Осетии появляются образованные люди, которые, наряду с русским языком, достаточно хорошо владели родным, осетинским (Колиев, Караев, Жускаев и др.) и как следствие — появление переводов церковно-богослужебных книг на родной язык. Стала расти и численность церковно-приход-

ских школ. Усилиями архимандрита Иосифа Чепиговского, с 1860 г. началось богослужение на осетинском языке. Его же усилиями в Тифлисе был издан «Осетинский букварь», а стараниями академика Шифнера «Осетинские тексты» Цораева и Чонкадзе. В-третьих, своими изысканиями Шегрен не только открыл осетинам мир печатного слова, но и заложил основы их просвещенного будущего.

Непреходящее значение имел выход «Грамматики» для зарождающейся интеллигенции Осетии. Как образно выразился В.И. Абаев, труды Шегрена «разбудили дремавшие силы одаренного народа». Деятелей чешского национального движения (Палацко, Шафарика), которые были современниками Шегрена, боровшиеся за возрождение национального языка, литературы, науки и культуры, сыгравшие значительную роль в формировании чешского национального самосознания называли «будителями». Таким «будителем» национального самосознания осетин на полном основании относится автор первой научной грамматики осетинского языка, академик А.М. Шегрен.

Когда мы говорим о В.И.Абаеве, то часто забываем, что он был и выдающимся историком осетинского народа. Точно так же академик Шегрен, бесспорно, великий ученый лингвист, полиглот. Однако часто остается в тени, что он был и выдающимся этнографом. Если бы это не было так, то бы, во-первых, во всех энциклопедических изданиях его не называли русским филологом и этнографом и, во-вторых, в 1844 г. его бы не избрали ординарным академиком Императорской академии наук по филологии и этнографии финских и кавказских племен. Наконец, в-третьих, если бы этнография не занимала столь высокое место в научных

изысканиях ученого, академия наук не назначила бы его руководителем Этнографического музея, ныне известного во всем мире Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Собираясь на Кавказ, Шегрен в числе первоочередных задач ставил изучение нравов и обычаев осетин. Об его желании познать не только язык, но и всю жизнедеятельность народа свидетельствует и заглавие путевых записок — «Путешествие по склонам Центрального Кавказа для углубленного изучения языка, обычаев и народных традиций (выделено нами. — Л.Ч.) горцев Осетии, совершенных в 1836-1837 гг. господином Шегреном по заданию Санкт-Петербургской академии наук.

Самая крупная этнографическая работа Шегрена по Кавказу — «Религиозные верования осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях». Вокруг авторства Шегрена до сих пор не умолкают споры. Проф. Т.Т. Камболов приводит целый ряд аргументов, исходя из которых, можно усомниться в действительной принадлежности этой работы Шегрену (6; 9-10). Вот один из доводов: Шегрен в Ингушетии не бывал, не интересовался им, а в заглавии работы, наряду с осетинами обозначены и ингуши. Не разделяет наше мнение о принадлежности этой работы о религиозных верованиях и автор предисловия к двухтомному академическому изданию трудов Шегрена по кавказоведению доктор филологических наук А.И. Алиева. Однако в подробном анализе научного наследия, сделанного В.С. Уарзиати, приводятся убедительные контраргументы о принадлежности работы Андрею Михайловичу. Уарзиати доказал что сведения об ингушах сообщали Шегрену сопровождавшие его в поездках грузинские миссионеры,

которые работали среди осетин и ингушей [3,145]. Да и существовал и другие факторы подтверждающие мнение Уарзиати. До приезда на Кавказ он одновременно с языком изучал и этнографию финно-угорских народов. Выше мы говорили, что, собираясь в экспедицию в Дигорию, он разработал программу, в которой большая часть отведена вопросам по этнографии. В душе он был и этнографом, иначе бы на него не возложили руководство Этнографическим музеем Академии наук.

Говоря о сути этнографического труда Шегрена, отметим: «Религиозные верования осетин, ингуш и их соплеменников» — одна из лучших в этнографическом осетиноведении. Значимость ее в том, что она одна из первых по времени, созданный до массового переселения горцев на плоскость, когда еще не были изжиты патриархально-родовые пережитки. Работа ценна и потому что, впервые в ней затрагиваются осетино-скифские и осетино-аланские этнокультурные параллели, позже на более высоком уровне продолженные В. Миллером. Наблюдательному Шегрену, присутствие в горах на похоронных процедурах позволили подробно описать их, особенно знаменитый обряд посвящения коня покойнику. Более подробный анализ работы сделан В.С. Уарзиати [3,119-158].

Завершающим аккордом пребывания Шегрена в Осетии было посещение Дигорского ущелья. Хотя его итогами он остался неудовлетворенным, тем не менее результатом этой поездки стала оставшаяся в рукописи статья «Описание дугорского народа». Благодаря усилиям проф. Камболова, статья это вошла в сборник его осетинских исследований, изданный 1998 г.

Работа начинается с природно-географической характеристики края,

вслед за чем исследуются хозяйственные занятия, объекты жизнеобеспечения (пища, одежда), социальные институты и др. В ходе полевой работы автор руководствовался программой сбора материала, которая потом была рекомендована как руководство по изучению истории и этнографии народов Кавказа, который представлял собой неисчерпаемый этнографический источник «ибо, писал он, сколько там родоплеменных народов из коих многие до сих пор известны только по одному наименованию и то еще не всегда верному» [2,149]. Заслуживает внимания и работа по антропонимике Осетии; в разных ущельях Осетии им было записано свыше одной тысячи имен; данная работа представляет этнолингвистический интерес.

Деятельность Шегрена по руководству Этнографическим музеем не ограничивался полевой и собирательской работой. При нем впервые в музее появилась коллекция по оружию и одежде, послужившая основой для ныне существующего отдела этнографии народов Кавказа Музея антропологии и этнологии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Труды по осетиноведению составляют лишь часть научного наследия большого ученого. Для изучения народов Кавказа им сделано очень много. Кроме языка осетин, Шегрен оставил труды по грузинскому языку, им разработана грамматика удинского языка. Во время поездки в Крым изучал язык крымских татар

В данном сообщении мы не ставили целью обзор всего научного наследия ученого. Шегрен является основателем целого научного направления — российского финно-угроведения. Велик его вклад в изучение языков этой группы, с этой целью ученый совершил множе-

ство экспедиции по многим губерниям Северо-Восточной Руси, изучил язык карелов и открыв миру вепсский язык, создал грамматический словарь ливского языка. В поле его научных интересов были языки зырян, чуди и других малых финно-угорских племен.

Таков беглый взгляд на жизненный и научный путь А.М. Шегрена, ученого с мировым именем. Не говоря о его других больших заслугах, то, что сегодня в мировой академической науке осетиноведение занимает столь престижное положение, в этом немалая заслуга академика Шегрена, заложившего в его основание мощный фундамент.

Дала ли Осетия достойную оценку научному подвигу Шегрена? Боюсь, что нет.

Хорошо, что к 200-летию со дня рождения Шегрена издана часть его осетинских исследований. Ученый оставил 18 объемистых томов дневниковых записей, в которых о кавказском периоде его жизни много интересного. То, что из этих записей касается пребывания ученого в Осетии, перевела со шведского и опубликовала Т. Хетагурова [7]. Полностью же кавказоведческие исследования ученого в 2010 г. были подготовлены и изданы Институтом восточной литературы: тексты и исследования, в их числе и полностью вышеупомянутые дневниковые записи и письма ученого с Кавказа [8, 9]. За этот колоссальный труд главный научный сотрудник института А.И. Алиева, известный фольклорист, выступившая в издании как составитель, автор предисловия и комментариев, заслуживает признательности осетинского народа.

В своем восторженном отзыве об осетинской грамматике Шегрена газета «Закавказский вестник» писала о Шегрене, что «дав осетинскому-языку направление и настроение, и установив

его законы, Шегрен «воздвиг себе памятник на все времена существования языка» [4,41].

А вот аналогичный пример по поводу другого корифея осетиноведения, В.Ф. Миллера. Подытоживая его великие заслуги перед осетинским народом, Максим Ковалевский писал: «Исторический Миллер на Кавказе сделался Миллером легендарным. Осетинский народ еще при жизни готов ставить ему памятник, так как он всего более содействовал пробуждению его самосознания» [1,108].

Обратите внимание. Перед нами два корифея, две выдающиеся личности, в исключительных заслугах которых перед осетинским народом настоящие ценители науки и двести лет назад не

сомневались, будучи уверены, что их память будет достойно увековечена памятниками. А что-же мы, по прошествии стольких лет, когда роль этих ученых в осетиноведении еще более высветилась и осознана всем нашим цивилизованным обществом? Не говоря уже о памятниках, даже бюсты их не украшают улицы и скверы наших столиц. Их именами названы улицы во Владикавказе, но это и все. Но ведь это весьма далеко несоизмеримо с их великими заслугами.

Имя и дела академика Андрея Михайловича Шегрена заслуживают большего внимания со стороны властных структур республик Северной и Южной Осетии, научных кругов и всей осетинской общественности.

1. Калоев Б.А. Миллер-кавказовед, Орджоникидзе, 1963.
2. Шегрен А.М. Осетинские исследования / Сост. Т.Т. Камболов. Владикавказ, 1998.
3. Уарзиати В.С. Осетиноведческие штудии академика А.М. Шегрена // А.М. Шегрен. Осетинские исследования, Владикавказ, 1998.
4. Иоселиани П. Рецензия на «Осетинскую грамматику акад. Шегрена» // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Научно-популярный сборник / Сост. Л.А. Чибиров. Цхинвал, 1982. Кн. 2.
5. Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом. Орджоникидзе, 1942.
6. Камболов Т.Т. Предисловие составителя // А.М. Шегрен. Осетинские исследования. Владикавказ, 1998.
7. Хетагурова Т. Дневниковые записи акад. Шегрена // Дарьял. 2002. № 2.
8. Шегрен А.М. Грамматика осетинского языка / Сост. А.И. Алиева. М., 2010. Т. 1.
9. Шегрен А.М. Тесты. Исследования / Сост. А.И. Алиева. Москва, 2010. Т. 2.